

КОНТУРЫ ОБРАЗА БУДУЩЕГО: СОЦИОСТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТ

С. В. Одяков

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Рассматривается трансформация социальной структуры в постиндустриальном обществе. Обосновывается, что в условиях становления новой модели общества, порождаемой постиндустриальностью, происходит трансформация структуры занятости, сегментация рынка труда, раскол между работниками на рынке труда, рост нерыночных слоев, возвращенных государством всеобщего благоденствия. При этом в России трансформация профессиональной структуры тормозится рядом внутренних факторов, в том числе системой образования. Рассмотрены противоречия, связанные с самоидентификацией работающего населения, большая часть которого и в России, и в мире ассоциирует себя со средним классом. Установлено, что в России слабая идентификация с рабочим классом связана с падением престижа «синих воротничков», тогда как в других странах самоидентификация индивидов с наемными работниками носит вторичный характер, хотя степень ее варьируется от страны к стране.

Ключевые слова: проблема будущего, постиндустриальное общество, социальная структура, рынок труда, безработица, социальное государство, классы, самоидентификация.

В последнее время активно обсуждаются тенденции будущего страны, а также перспективы ее развития [3]. При этом на официальном уровне практически отсутствует программа-модель будущего страны, которая бы отражала совокупность идей, целей, которые общество должно достигнуть в ближайшей или отдаленной перспективе. Видимо, сказывается привычка властей решать проблемы в режиме ручного управления, что не позволяет ставить авангардные цели, формировать образ будущего, реализовывать способность к инновационности, эффективности от желаемого.

Представляется, что актуализация в России проблематики будущего связана с тем, что в ближайшее время на первые места выдвинется поколение, родившееся уже в новой России, что скорее всего изменит политическую ситуацию в стране. Многими исследователями отмечается более высокий уровень социальной активности молодежи, то, что она в целом более про-демократически настроена. В этом смысле молодое поколение способно выступить движущей силой социальных изменений, поскольку через 5—10 лет его менталитету уже не будет соответствовать та институциональная модель, которая сложилась у нас в стране. С другой стороны, трудно сказать, не изменятся ли их взгляды, когда им станет на 15 лет больше [3, с. 32].

Прогнозируя будущее, следует учитывать тот факт, что сначала происходят изменения в практике, а потом появляются теории, описывающие эту практику и критикующие ее очевидные недостатки. Так возникло представление об индустриальном обществе, которое пришло на смену аграрному. А. Сен-Симон, О. Конт, Г. Спенсер и Э. Дюркгейм говорили о «промышленном обществе», К. Маркс и М. Вебер о «капиталистическом обществе» тогда, когда эти общества уже возникли в ходе промышленной и буржуазной революций [11, с. 35].

Ныне обобщающим понятием, принятым в западной социологии для описания структурных перемен в современных развитых обществах, является концепт постиндустриального (информационного)

общества. В философско-социологическом плане он вырос из изменения триадического принципа классификации социальных явлений к истории человечества. Это позволило выделить три основных типа общества: доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное (по Д. Беллу), или «первую», «вторую» и «третью» волны цивилизации (по О. Тоффлеру) [5, с. 41].

Переход от индустриальной к постиндустриальной стадии связан с развитием материально-технической базы, усложнением и развитием технологий. При этом в процессе трудовой деятельности все большую роль начинают играть знания, умения, квалификация работника. Такие виды ресурсов в настоящее время рассматриваются как особый вид капитала. Разные авторы называют его по-разному: человеческий капитал, трудовой капитал, интеллектуальный капитал.

В связи с этим в условиях лавинообразно возрастающего объема информации в современной жизни и повышения роли образования в профессиональном труде, умения быстро обучаться и переобучаться по мере необходимости работникам физического труда порой приходится трудно: их число все более сокращается и они все хуже ощущают себя в обществе, так как постоянно подвергаются угрозе увольнения или сокращения из-за своей негибкости, которая не позволяет им приспособиться к переменам. Работникам «общего типа», по выражению М. Кастельса, не остается никаких ролей в глобализованном капитализме, потому что они не обучены, у них нет необходимых ресурсов и навыков. В долгосрочной перспективе может возникнуть проблема «труда общего типа» из-за потенциальной возможности слиться с деклассированным элементом, если работники не сумеют обрести достаточной гибкости, чтобы удовлетворить новые запросы экономики, а общество не найдет способы защитить и поддержать их [10, с. 40].

Сегодня глобальный капитализм исчерпал экстенсивные, в том числе географические, факторы извлечения прибыли, связанные с освоением новых

рынков сбыта и взаимовыгодным обменом между регионами, имеющими конкурентные преимущества в производстве разных товаров. Постоянный рост производительности труда позволяет удовлетворить практически любой потенциальный спрос. В данной ситуации на горизонте будущего возникает (анти-)утопия нового общества, где развитие перестает быть тождественно экономическому росту, традиционно определяемому трудом и капиталом. Оно все больше будет определяться такими факторами, как социальные противоречия и экономические неравенства, которые будут естественным образом нарастать, нуждаясь в усилении политических механизмов справедливости, выравнивания и нерыночной регуляции для предотвращения новых революций [4, с. 143].

Причем главным противоречием грядущей эпохи, скорее всего, будет противоречие между собственниками ресурсов в самых разных их формах, на которые предъявляется повышенный спрос современным производством (от человеческого капитала до капитала финансового, включая бренды, ноу-хау, технологии и многое другое) и так называемыми «лишними» людьми [12, с. 286—287]. Попробуем конкретизировать эти линии нового социального разделения и вывить, какие факторы способствует нарастанию такого рода противоречий.

В условиях позднеиндустриального общества произошли изменения, которые привели к существенному сокращению доли производственных отраслей экономики — аграрной и индустриальной. В результате этого произошел переход наемной рабочей силы из производственных отраслей — первичного (сельского хозяйства) и вторичного (промышленного) секторов — в третичный сектор (сферу услуг), где широко используются информационно ёмкие технологии (см. табл. 1).

При этом «переход от индустриальных к постиндустриальным экономикам сопровождался новым типом социальной поляризации в самых благополучных городах и возникновением крайне сегрегированного рынка труда: с одной стороны, хорошо

оплачиваемых высокообразованных работников финансового сектора, недвижимости, страхования, хай-тек отраслей и, с другой стороны, работников малооплачиваемых, «гибких» (то есть без контракта и льгот) форм занятости в потребительском сервисе» [13, с. 245].

Согласно Р. Коллинзу, глобальные рынки капитализма исчерпали все запасные ниши на рынке труда, в которые могли бы мигрировать ставшие безработными в ходе нарастающей автоматизации сначала механического, а затем и интеллектуального производства. Поэтому рост ничем не компенсируемой структурной безработицы является ключевым вызовом капитализму: «как долго продержится капитализм, если средний класс образца XX века в следующем столетии будет превращаться из его массовой политической и экономической базы в массу обездоленного недовольства?» [2, с. 10].

Схлопывание вакансий расширяет такие скрытые формы безработицы, как неполный рабочий день или сокращенная трудовая неделя, вынужденные (административные) отпуска, поддерживает противозаконные занятия и воскрешает практики отходничества как сезонной деятельности, основанной преимущественно на личной трудовой инициативе и/или на доверии работодателя и работника [6]. Эти труд и доходы, теньевые институты и практики не попадают в поле зрения государства, но при этом являются закономерным следствием кризиса сложившейся экономической модели общества. Рост безработицы наиболее резко обостряет проблемы бедного населения, расположенного на периферии всех общественных измерений — экономических, культурных, этнических и пр. Трудящиеся массово становятся лишними людьми, в отношении которых происходит стремительная дегуманизация властного дискурса. Они больше не могут доказать свою рыночную полезность, поэтому отношение к ним перепрограммируется как к социальной патологии, бросающей вызов трудовой морали. Политическая роль людей труда падает и потому, что происходит общее снижение доли/стоимости труда в товарном

Таблица 1

Отраслевая структура валового внутреннего продукта

Страна	Год	Валовой внутренний продукт	В том числе в отраслях						
			Сельское и лесное хозяйство, охота, рыболовство	Промышленность	Строительство	Торговля, гостиницы и рестораны, транспорт и связь	Финансовая деятельность, операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	Государственное управление, здравоохранение, социальные услуги	Прочие услуги
Россия	2015	100	4,6	26,4	6,4	25,0	21,2	14,1	1,7
	2016	100	4,8	26,2	6,2	24,5	21,7	14,3	1,7
Италия	2015	100	2,3	18,8	4,9	24,1	28,8	17,7	3,9
Германия	2015	100	0,5	25,7	4,7	20,4	26,3	18,3	4,1
Франция	2015	100	1,7	14,1	5,4	22,7	30,1	23,0	3,0
США	2013	100	1,4	16,6	3,9	21,9	30,4	22,6	3,2
Япония	2013	100	1,2	20,4	5,9	25,0	16,3	11,4	19,9

Источник: [7: с. 71]; [8, с. 85—86].

производстве при росте значения капитала и знания. Например, в США доля трудовых доходов граждан в их общем объеме снизилась с 66 % в 1947 г. до 58 % в 2011 г., а в России — с 76,4 % в 1990 г. до 65,6 % в 2015 г. Следует особо отметить, что последняя цифра включает вменённый гражданам объем скрытой заработной платы, который составляет около 20—23 % от общих доходов населения [4, с. 143—144].

В новом капитализме, который все более обретает контуры общества без традиционного труда, будет расти роль доступа граждан к различным рентам как условиям их выживания. И наиболее вероятно, что эти ренты будут предоставляться, прежде всего, не глобально исчерпанным рынком, а государством. Острой проблемой становится тот факт, что государство не может компенсировать масштабные потери рабочих мест, которые наблюдаются в частном, рыночном секторе. Вынужденное раздувание численности бюрократических структур и бюджетников ложится дополнительной налоговой нагрузкой на рыночный сектор. Возникает ложный круг решения проблемы занятости, который все более превращает рыночное общество в рентное: рынок перестает создавать новые рабочие места, а экономическая роль государства, которое специализируется на гарантии определенных благ и услуг — безопасность, здравоохранение, обучение, управление — продолжает разрастаться [4, с. 145].

По мнению О. И. Шкаратана, «основное социальное разделение в обществе позднего индустриализма проходит между теми, кто приобретает возможности удовлетворять свои потребности через рынок, и теми, кто всецело зависит от государственного дохода и прямой государственной помощи» [14, с. 196]. В условиях такого разделения государство объективно заинтересовано не только в сохранении круга аутсайдеров, или «лишних людей». В воспроизводстве этого социального слоя государство находит оправдание своей редистрибутивной политике. В этом одна из причин того, почему государству выгодны ограничения, налагаемые на доступ к рынку труда сокращением рабочих мест, небольшим объемом неэкономического капитала, заинтересованностью работодателей в росте производительности труда. Ослабление позиций наемного труда отвечает интересам государства благосостояния [5, с. 68].

Ответ на вопрос, как само работающее население воспринимает свою социальную принадлежность, дают данные проведенного автором в 2007—2009 гг. на крупных и средних предприятиях базовых отраслей промышленности Челябинской области исследования¹. Оно основывалось на субъективном методе социального группирования, в соответствии с которым статус работника, понимаемый как позиция, занимаемая им в структуре социальной организации, измерялся на основе ответов респондентов

¹ Метод исследования — анкетирование по месту работы респондентов. Объектом исследования выступали работники промышленных предприятий Южного Урала, включая представителей различных социально-профессиональных групп (рядовых работников, специалистов и руководителей). Выборка составила (N = 1150) человек.

на вопрос: «Если бы наше общество можно было представить в виде пирамиды, то в какую ее часть Вы бы себя поместили?».

По данным исследования, средний коэффициент социального статуса (Ксс)² по выборке составил 1,80, что говорит об определенном смещении в сторону низших страт. Несмотря на то, что большая часть работников относит себя к «среднему» классу (63,0 %), наблюдаются некоторые различия между социально-профессиональными группами. Так, 14,4 % руководителей поместили себя в высшую часть условной пирамиды общества. Среди специалистов и рабочих таких 8,5 % и 6,7 % соответственно. В «средней» страте преобладают специалисты — 67,3 %. За ними следуют с небольшим отставанием руководители и рабочие (63,6 % и 60,3 % соответственно). Наконец, в нижнем слое больше всего рабочих: так оценил свое положение в социальной иерархии общества каждый третий из них. Среди специалистов придерживаются такой точки зрения каждый четвертый, а среди руководителей — почти каждый пятый (22 %).

В другом исследовании³ было установлено, что в сознании респондентов водораздел проходит не по признаку принадлежности к собственникам и лицам наемного труда, а по линии принадлежности к среднему классу и рабочему классу. Поскольку средний класс включает в себя кроме собственников, и другие слои, в том числе самозанятых, лиц свободных профессий, то можно сказать, что респонденты лишь отчасти идентифицируют себя с наемными работниками. Крайне низка степень самоидентификации респондентов с нижним и верхними социальными слоями. Подавляющее большинство респондентов дистанцируется как от высших, так и от низших классов, т. е. от тех слоев, с которыми обычно ассоциируется классовое противостояние. В сознании респондентов эта форма социального разделения вытеснена его медиационной формой, где социальные различия лишены острой конфронтации (см. табл. 2).

Таблица 2
Распределение ответов населения разных стран на вопрос: «К какому слою в обществе Вы, скорее всего, отнесли бы себя?»

Варианты ответов	США	Велико-Британия	Западная Германия	Австрия	Австралия
К высшему	2	1	1	2	2
К среднему	52	52	71	59	63
К рабочему	41	44	26	38	34
К низшему	5	3	2	1	3

Источник: [9, с. 10].

² Ксс рассчитывался как среднее арифметическое от трех возможных вариантов ответа: 1. В нижнюю; 2. В среднюю; 3. В верхнюю.

³ Имеется в виду исследование «Социальное неравенство II» («Social Inequality II»), проведенное в рамках International Social Survey Program — ISSP — в 1992 г. [9, с. 10].

Примечательно, что в США и Великобритании больше респондентов, которые идентифицируют себя с рабочим классом, а в Германии меньше всего респондентов, считающих себя рабочими. Во всех указанных в таблице 2 странах больше тех, кто относит себя к среднему классу. Однако в США и Великобритании отнесли себя к среднему классу меньше респондентов, чем в других странах [5, с. 69].

В России так же, как и в Германии, крайне низка степень идентификации работающего населения с рабочим классом. И это несмотря на то, что индустриальные квалифицированные рабочие в России, в отличие от стран западной Европы, составляют значительную часть населения, как и рабочие низкой квалификации. В совокупности это почти 32 %, что в 2—3 раза больше, чем в развитых странах Запада. Соответственно меньше в России и занятости в сфере обслуживания, которая также относится к постиндустриальному сектору экономики и еще недостаточно развита в стране [1, с. 51—52].

Такое положение вещей скорее всего объясняется тем, что когда у рабочих возникли новые возможности для работы и заработка, прежде всего, в сфере услуг, возникшей как главная часть среднего и малого бизнеса, произошло падение социального престижа «синих воротничков». Исполнительная должность в этой сфере может теперь приносить доход, сравнимый с доходом рабочего в советский период. Поэтому зачастую на производстве возникает проблема нехватки кадров, но новые рабочие места нечем заполнить, так как молодежь не хочет идти работать в промышленность.

Попытки правительства искусственно поднять престиж «рабочих профессий» за счет более высокой оплаты труда, чем, скажем, у руководителей предприятий, имеют, на наш взгляд, дисфункциональный характер. Труд инженера и руководителя является более сложным по своему характеру и содержанию, соответственно этому должно быть и вознаграждение. В России же социальный статус (престиж) руководителей и экспертов пока не очень высок, что в значительной мере противоречит общепринятым в мировой практике критериям среднего класса. С одной стороны, его представители располагают значительным объемом символического, социального и культурного капитала. С другой стороны, в существующих условиях им часто не удается конвертировать эти виды ресурсов в экономический капитал.

Согласно Л. А. Беляевой, население России показывает в последние годы довольно заметную динамику в материальной дифференциации при устойчивости своей социальной стратификации. Но даже при росте материального достатка и перемещении в более высокие материальные слои социальный статус большинства населения (60—70 %) остается на прежнем уровне, что говорит о слабой социальной мобильности и консервации социального расслоения. Ресурсы большинства населения не позволяют перемещаться в более высокие слои общества. Нельзя не учитывать близкие и отдаленные последствия такого состояния социальной стратификации для общества в целом и для судеб людей из этих слоев [1, с. 45].

Таким образом, для перехода к постиндустриальному развитию Россия должна будет решать проблему изменения профессиональной структуры населения. Между тем, эта структура развивается с большой степенью инертности, к тому же в последние годы усиливаются тенденции ее межпоколенческого воспроизводства, в том числе и посредством системы образования. Система образования плохо выполняет свои функции в восходящей социальной мобильности нижних социальных слоев. При накопленном формальном культурном капитале (высокая доля специалистов с высшим и средним специальным образованием) России, если она намерена осуществить модернизацию своей экономики и придать ей современные постиндустриальные черты, предстоит так изменить профессиональную структуру населения, чтобы решалась задача замещения физического труда преимущественно интеллектуальным и осуществлялся переход к высокотехнологичной и информационной экономике, т.е. формировалась социальная структура общества с большой долей среднего класса. Кроме того, важно, чтобы механизмы социальной мобильности работали в направлении обеспечения общества равных возможностей и воздаяния в соответствии с индивидуальными заслугами, пропорционально личной эффективности.

Литература и источники

1. Беляева, Л. А. *Россия и Европа: структура населения и социальное неравенство (часть вторая)* / Л. А. Беляева // *Мониторинг общественного мнения*. — 2010. — № 3 (97). — Май — июнь — С. 18—46.
2. Валлерстайн, И. *Есть ли будущее у капитализма?* / И. Валлерстайн, Р. Коллинз, М. Манн, Г. Дердугьян, К. Калхун. — М.: Изд. Инст. Гайдара, 2015. — 320 с.
3. Демиденко, С. Ю. *Российское общество: взгляд в будущее (материалы «круглого стола»)* / С. Ю. Демиденко // *Социологические исследования*. — 2017. — № 6. — С. 25—43.
4. Мартыанов, В. С. *Наше рентное будущее: глобальные контуры общества без труда?* / В. С. Мартыанов // *Социологические исследования*. — 2017. — № 5. — С. 141—153.
5. *Наемный работник в современной России* / отв. ред. З. Т. Голенкова. — М.: *Новый хронограф*, 2015. — 368 с.
6. Плюснин, Ю. М. *Отходничество как новый фактор общественной жизни* / Ю. М. Плюснин, А. А. Позаненко, Н. Н. Жидкевич // *Мир России*. — 2015. — № 1. — С. 35—71.
7. *Россия и страны — члены Европейского союза*. 2017: стат. сб. / Росстат. — М., 2017. — 264 с.
8. *Россия и страны мира*. 2016: стат. сб. / Росстат. — М., 2016. — 379 с.
9. Симончук, Е. В. *Рабочий класс в Украине: хроника потерь* / Е. В. Симончук // *Социология: теория, методы, маркетинг*. — 2005. — № 4. — С. 5—25.
10. Слюсарянский, М. А. *Проблемы интеллектуального труда в современном обществе* / М. А. Слюсарянский // *Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки*. — 2013. — № 19 (46). — С. 36—42.
11. Тихонов, А. В. *Отечественная социология: проблемы выхода из состояния преднауки и перспективы развития* / А. В. Тихонов // *Новые идеи в социологии: монография*; отв. ред. Ж. Т. Тоценко. — М.: Юнити-Дана, 2013. — С. 33—49.
12. Тихонова, Н. Е. *Социальная структура современной России: теории и реальность* / Н. Е. Тихонова. — М.: *Новый хронограф: Ин-т социологии РАН*, 2014. — 408 с.

13. Трубина, Е. Центр и периферия: между ростом и развитием / Е. Трубина // Логос. — 2013. — № 4. — С. 237—266.

14. Шкаратан, О. И. Социология неравенства. Теория и реальность / О. И. Шкаратан. — М.: ИД Высшей школы экономики, 2012. — 527 с.

Поступила в редакцию 28 февраля 2018 г.

ОДЯКОВ Сергей Вячеславович, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск). E-mail: sodyakov@list.ru.

DOI: 10.14529/ssh180215

THE OUTLINES OF FUTURE SOCIETY: SOCIOSTRUCTURAL ASPECT

S. V. Odyakov, sodyakov@list.ru

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article provides a brief discourse of transformation of social structure in the postindustrial society. It is proved that as the result of postindustrial development, the characteristic features of a new model of society are as follows: transformation of the structure of employment; segmentation of the labor market; gap between workers in the labor market; growth of non-market groups raised by the welfare state. At the same time, in Russia the transformation of the professional structure is slowed down by a number of internal factors, including the education system. The author highlights contradictions related to the self-identification of the working population, most of which in Russia and in the world associate themselves with the middle class. It has been found that in Russia weak identification with the working class is associated with the decline in the prestige of the “blue-collar” workers, while in other countries the self-identification of individuals with employees is secondary, although its degree varies from country to country.

Keywords: *problem of future, postindustrial society, social structure, labor market, unemployment, the welfare state, classes, self-identification.*

References

1. Belyaeva L.A. Rossiya i Evropa: struktura naseleniya i sotsial'noe neravenstvo (chast' vtoraya) [Russia and Europe: the structure of population and social inequality (Chapter 2)]. *The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 3 [97] May-June 2010. pp.18—46.
2. Demidenko S.Yu. Rossiyskoe obshchestvo: vzglyad v budushchee (materialy «kruglogo stola») [Russian society: looking to the future (a round-table discussion)]. *Sociological studies*. 2017. 6. pp. 25—43.
3. Mart'yanov V.S. Nashe rentnoe budushchee: global'nye kontury obshchestva bez truda? [Our rental future: global outlines of a labourless society?]. *Sociological studies*. 2017. 5. pp. 141—153.
4. Naemnyy rabotnik v sovremennoy Rossii. [Wage Earner in the Contemporary Russia]. Edited by Z.T. Golenkova. Moscow: Novyy khronograf, 2015. 368 p.
5. Plyusnin Yu.M., Pozanenko A.A., Zhidkevich N.N. Otkhodnichestvo kak novyy faktor obshchestvennoy zhizni [Seasonal Work as a New Social Phenomenon in Modern Russia]. *Mir Rossii*. 2015. Vol. 24, no 1, pp. 35—71.
6. Rossiya i strany-chleny Evropeyskogo soyuza. 2017: Stat.sb. [Russia and countries-members of European Union. 2017: Statistical collection]. Moscow, 2017. 264 p.
7. Rossiya i strany mira. 2016: Stat.sb. [Russia and the countries of the world. 2016: Statistical collection]. Moscow, 2016. 379 p.
8. Shkaratan O.I. Sotsiologiya neravenstva. Teoriya i real'nost' [Sociology of Inequality. Theory and Reality]. Moscow: HSE Publishing House, 2012. 527 p.
9. Simonchuk E.V. Rabochiy klass v Ukraine: khronika poter' [Working class in the Ukraine: the chronicle of losses]. *Sociology: theory, methods, marketing*. 2005. 4. pp. 5—25.
10. Slyusaryanskiy M.A. Problemy intellektual'nogo truda v sovremennoy obshchestve [The problems of intellectual labor in Modern Society]. *Vestnik PNIPU. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki*. 2013. No 19 (46). pp. 36—42.
11. Tikhonov A.V. Otechestvennaya sotsiologiya: problemy vykhoda iz sostoyaniya prednauki i perspektivy razvitiya [Russian Sociology: the problems of way-out from the state of metaphysics and perspectives of development]. *Novye idei v sotsiologii: monografiya* [New ideas in Sociology: monograph]. Moscow: YuNITI-DANA, 2013. pp.33—49.
12. Tikhonova N.E. Sotsial'naya struktura sovremennoy Rossii: teorii i real'nost' [Social Structure of Contemporary Russia: Theories and Reality]. Moscow: Novyy khronograf: RAS Institute of sociology, 2014. 408 p.
13. Trubina E. Tsentr i periferiya: mezhdru rostom i razvitiem [Centre and Periphery: between growth and development] *Logos*. 2013. 4. pp. 237—266.
14. Vallersteyn I., Kollinz R., Mann M., Derlug'yan G., Kalkhun K. Est' li budushchee u kapitalizma? [Does capitalism have a future?]. Moscow: Inst. of Gaydar Publishing Centre, 2015. 320 p.

Received February 28, 2018

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Одяков, С. В. Контуры образа будущего: социоструктурный аспект / С. В. Одяков // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — Т. 18, № 2. — С. 95—99. DOI: 10.14529/ssh180215

FOR CITATION

Odyakov S. V. The outlines of future society: sociostructural aspect. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*. 2018, vol. 18, no. 2, pp. 95—99. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh180215